

Нравственный выбор между оседлостью и номадизмом

The Mental Choice Between Sedentariness and Nomadism

Получено: 03.03.2017 г. / Одобрено: 12.03.2017 г. / Опубликовано: 16.06.2017 г.

Кравцов А.А.

Студент кафедры онтологии и теории познания Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, e-mail: t_e_m_a@inbox.ru

Kravtsov A.A.

Student, Department of Ontology and Epistemology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russia, e-mail: t_e_m_a@inbox.ru

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка сформулировать строгое экзистенциальное определение оседлости и номадизма. Предлагается последовательный, взвешенный подход к проблемам духовного выбора, отсутствие которого в наше время приводит к тому, что перед лицом фундаментальных нравственных дилемм человек либо оказывается растерян и безразличен, либо принимает неверное решение, неверно понимая сам выбор. Автор предлагает руководствоваться семантикой образов дома и дороги, чтобы заново определить оседлость и номадизм, которые рассматриваются в этой работе как экзистенциальные противоположности. Работа в выбранном направлении позволяет устранить размытость границы между ними, но шаг за шагом становится заметно, что даже бесконечное усугубление атрибутов оседлости и номадизма не приводит к подлинно человеческому, совершенному экзистенциальному состоянию. Когда выясняются также теоретические сложности, связанные с предположением о том, что экзистенция может всецело пребывать в одном из обозначенных состояний, предлагается снять противоположение оседлости и номадизма, переключив внимание на область их диалектического совпадения. Делаются соответствующие поправки онтологического (уточнение определения «перехода»; концептуализация первоначального состояния) и этического («середины» как по-прежнему актуальный способ тематизировать нравственное совершенство) характера, и наконец, обосновывается правильность принятия одного из решений рассматриваемой духовной проблемы.

Ключевые слова: оседлость, номадизм, образ дома, образ дороги, образ пути, переход, прыжок, свобода, тайна, безопасность, неудовлетворенность, бессмысленность, экзистенциальное время, гармония.

Актуальность тем оседлости и номадизма в жизни и современной философии. Утверждение дальнейшего метода

Чтобы установить границу между номадностью и оседлостью при помощи метафор дороги и дома, надо допустить, что душа находится в настоящем времени в одном из двух состояний: она номадна или же оседла. Из противоположности оседлости и номадизма вытекает следствие, что два противоположных состояния должны быть полностью несовместимы, поэтому всякому атрибуту одного состо-

Abstract. In the given article the author undertakes an attempt to make a rigorous definition of mental sedentariness and nomadism, which are considered here as oppositions, with the aid of «home» and «road» images. The author suggests a rigorous and weighted approach to working with the existential choices problems, an absence of which leads either to being disoriented and apathetic towards existential issues or to making premature decisions after interpreting them incorrectly. Working in the selected frames leads to the elimination of the vagueness, however, it becomes more and more visible that even total intensification of sedentariness and nomadism will not provide us with a desired existential condition, which means that the latter must be found somewhere else. Aside from that, when some complexities, related with the assumption that an existence should completely stay in one of the mentioned conditions, arise, the author suggest to eliminate the opposition between sedentariness and nomadism and switch the attention to the domain, where they coincide. Some ontological (unspecified «leap» notion, absence of the original condition) and ethical (distorted ethical ideal from the viewpoint of pure sedentariness and pure nomadism) problems are eventually fixed, and, finally, the author makes the case for the particular variant of solving the problem.

Keywords: sedentariness, nomadism, image of home, image of road, image of pathway, transit, leap, freedom, mystery, safeness, dissatisfaction, meaninglessness, existential time, harmony.

яния должен соответствовать противоположный атрибут во втором. Для нас это значит, что? как только мы выводим, что номад, к примеру, легкомысленный, надо убедиться, что оседлый, будучи ему по необходимости противоположным, задумчивый. Так мы сможем контролировать рассуждение. Кроме этого, обратим внимание на то, что противоположны два экзистенциальных состояния, а это значит, что вместе они должны заключать в себе все конкретное многообразие духовной жизни человека.

Дорога связана с движением, а дом с покоем. Толкование этого послужит нам отправной точкой. Разве не то делает человека оседлым, когда ему нравится вся обстановка, в которой он живет? Мы соглашаемся определять оседлого с помощью образа «дома»; но разве скажем мы, что описывается метафорой «в доме» душа того, кто мучается и раздражается на судьбу? Напротив, раздражение может быть направлено только к вещи привходящей и притом лишней: оно говорит о том, что в бытии человека раздражающей вещи могло бы и не быть. Соответственно, раздраженность прокладывает границу между «Я» человека и тем, во что он поневоле погружен в настоящий момент. Стремление «прочь» мы свяжем с образом человека «в дороге», а противоположную ему удовлетворенность мы свяжем с образом человека в состоянии «дома».

Движение и покой не должны рассматриваться нами как случайные явления. Отношение раздраженности может быть постоянно, только если его объект постоянен. Существует только одна возможность постоянного отношения — это отношение к себе, ведь для себя только мы сами даны постоянно. Так что номада правильно назвать тем, кто испытывает неудовлетворенность собой, оседлым же — того, кто собой доволен. В следующих главах мы, опираясь на первоначальное разграничение, попробуем вывести атрибуты двух названных состояний. Со временем так же прояснится и наша, пока что довольно абстрактная, экзистенциальная картина, в которой номадизм и оседлость являются противоположностями.

Определение оседлости

Итак, мы имеем ряд свойств, без обладания которыми хотя бы в едва ощутимой степени человек не бывает «оседлым», поскольку без них, но, напротив, с их противоположностями, он ближе к неудовлетворенности собой, чем к удовлетворенности. Остановимся на следующих трех: во-первых, это свобода, во-вторых, безопасность, в-третьих, предстояние перед чем-то, что видится одушевленным.

Предстояние перед чем-то одушевленным означает контакт с «другим». Момент «одушевленности» создается за счет этой активности, исходящей от «другого», а непосредственное свойство оседлого человека — в том, чтобы быть открытым для взаимодействия с другим, иметь возможность «встречи». Это не то же самое, что склонность искать содружества, сгрудиться с другими. Тем более ни один из экзистенциальных атрибутов нельзя расценивать

как признак индивидуальной неполноценности, ведь если даже экзистенциальное состояние оседлого человека и рождает в последнем психологическую склонность к конформизму, по отношению к его «Я» эта склонность предстает как необходимость, а не как предмет свободного выбора.

Рассматривая встречу как истинностную практику, мы, как правило, стремимся обосновать, почему для масс людей «встреча» остается нереализованной возможностью самосовершенствования, и отрицаем для них возможность обладания подобным «ключом к истине». Мы хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что не всякая истинная встреча (встреча, истинно произошедшая) происходит при душевном подъеме и ведет к положительной перемене — ведь встречаются не с истиной сущего, но с самим сущим, иначе всякая встреча была бы похожа сама на себя. Вследствие воздействия многих окружающих «других», экзистенция оседлого человека приводится к душевному застою, притуплению чувств, к уподоблению обобщенному «другому».

Всякая встреча не только обусловлена оседлостью, но и обуславливает ее, поскольку во всяком из этих ее возможных модусов человек раскрепощен больше, чем закрепощен (приобретает свободу, если рассматривать ее как атрибут оседлости), а также недосягаем для тревог и ужасов мира больше, чем достигаем (приобретает безопасность). Одушевленность места появляется из-за проведенного там оседлого времени и памяти о нем; одушевленность, создаваемая одушевленностью, — это то, что создается внутри общества и исчезает, когда исчезает общество. Еще одним явлением одушевленности можно назвать тайну. Тайна может быть «встречена», поскольку она способна, подобно одушевленной, отвечать на открытость экзистенции. Она всегда подразумевает переживание присутствующего, но только скрывающегося другого, прячущегося, того самого, который загадывает тайну.

Следующие атрибуты оседлости — это свобода в собственном пространстве и безопасность. Снова важно заметить, что они имеют природу более глубокую, чем психологическую. В нормальном состоянии оседлый человек в большей или меньшей степени продуцирует чувство безопасности сам из себя. Стоит отметить, что «свобода» и «безопасность» не имеют ничего общего с «одушевленностью», но за счет того, что оба атрибута принадлежат к одному состоянию оседлости, они согласуются друг с другом и вызывают друг друга, для чего лучшим подтверждением, мы надеемся, будет собственный

опыт читателя. Свобода, с которой мы вступаем в отношение, сохраняя при себе чувство и самосознание цельной, самостоятельной личности, гарантирует нашу безопасность. В этом состоит необходимая черта всякого оседлого опыта встречи с другим: с Родиной, с близкими людьми, с тайной. В том, что чувство свободы и безопасности легко и естественно перетекает в чувство живого отношения, мы удостоверяемся, что нашли группу атрибутов, связанных в одном общем состоянии, которое мы называем оседлостью.

Определение номадизма

Два атрибута номадизма — это «неудовлетворенность» и «бессмысленность». Попробуем их доказать и раскрыть. «Дорога», прежде всего, отличается от «маршрута» или «пути» тем, что она определяется как движение, игнорирующее точку назначения либо создающее ее уже в процессе движения. Движение какой-либо вещи связано с активизацией ее потенциальной силы — так и «движение» как состояние экзистенции сопряжено с напряжением внутренних сил человека. Напряженность не есть то, что повторяется снова и снова, хотя бы потому, что мы ее связали с состоянием экзистенции. Когда же она — вид повседневности, она, очевидно, становится невыносимой.

Номадный человек находится в состоянии изолированного, не телеологичного «движения». Чтобы доказать это, представим «движение», которое имеет цель — оно не нуждается в сознательном целеполагании, а это значит, что номад не совершает напряженной внутренней работы по целеполаганию. Если же напряженность исходит не изнутри экзистенции, то она, по всей очевидности, исходит извне. Для того же, чтобы уподобляться внешнему, экзистенция должна быть экзистенциально к нему расположена, т.е. открыта, а открытость мы совсем недавно утвердили как основополагающее условие такого атрибута оседлости, как «одушевленность». Отсюда следует, что номадное движение действительно не телеологично, следовательно, причина движения — внутренняя, притом такая, что на нее не так просто оказать сознательное воздействие — ведь не в нашей власти, пожелав остановить напряжение, действительно его остановить. Мы уже озвучили причину движения, отнеся ее к атрибутам, это — неудовлетворенность. Неудовлетворенность приводит к движению, делая это как бы толчком в спину. Когда подталкивают сзади, у движения нет цели, и оно не свободно. Но, по всему сказанному, номадность сподобляется не просто бесцельному

движению, но и бессмысленному, коль скоро она не предлагает блага ни в перспективе цели, ни в настоящий момент. Если же человек каким-то образом постиг смысл, загаданный для себя, он уже больше похож на оседлого, но не на номада.

Свобода номада, тем не менее, существует в том качестве, что номадностью можно управлять, человек может управиться с тем импульсом, который ему придала неудовлетворенность, он может преследовать свободу и остро чувствовать, переживать свободу, но не может остановиться на каком-то знании о себе, а сказать проще, не находит причин своего состояния.

Номадная и оседлая экзистенция отличаются тем, что оседлость есть выраженное существование во времени, а номадность — существование без времени. О безвременности нагляднее всего судить взглядом в прошлое: промежутки времени, отрезки жизни не оставляют в памяти следа, потому что они и не воспринимаются во времени как настоящие, не переживаются в настоящем. Объективно время идет, но внутри номада возможно только накопление, но не изменение. Время появляется во взаимодействии одного с другим (психическое — в объективном взаимодействии, а экзистенциальное — в субъективном, как, например, субъективным взаимодействием является встреча), — здесь же видим только номадное сознание в одиночестве.

Как время относится к номадизму (безвременность), пространство относится к оседлости (назовем «беспространственность»). Чтобы доказать это, предложим следующий аргумент: дети не знают пространства, но знают время. Благодаря какому-то счастливому совпадению человек в первые годы своей жизни распоряжается оседлой душой. В детстве мы восприимчивее всего к тайнам; из детства мы выносим привязанность ко всему знакомому и близкому; и душа ребенка не знает, что такое пространство. Экзистенциальное переживание пространства — рубеж, по которому Л. Толстой отделял период отрочества от периода детства своего героя: *«Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества. Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, т.е. наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал все это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал»* (цит. по «Отрочество»).

Дело не в том, что на рубеже детства и отрочества герой Толстого стал номадным, но в том, что пространство не составляет сути оседлости, ведь чистейшая оседлость ребенка не предполагает какого-либо понятия о пространстве так же, как время не может быть выведено из чистейшей номадности. Чтобы вдруг удивиться тому, что *«существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами»*, нужно видеть этих людей в пространстве — только так похоже, что они не имеют с нами ничего общего — так они уподобляются вещам в пространстве, которые никогда не делят одного места. И так, «дом» — это время, а «дороги» — это пространство.

Насколько номадизм ближе к истине, чем оседлость

Номадизм вызывает к себе симпатию и даже зависть. Человеку в другом человеке кажется прекрасным наиболее естественное, и таково номадическое мышление — оно манифестирует откровенность, предпочтение признанной бессмысленности вместо непризнанной, вместо мещанского быта и морали — откровенность чувств, воспаленную страсть к жизни и, наконец, некоторую надежду на вознаграждение номадности в окончании ее становления. Только в черте социального человечество прогрессирует, с каждой эпохой приобретая новый вид, но номадическое начало отталкивает человека от этого, оставляя его самого по себе. Поэтому номадизм кажется более совершенным состоянием, чем оседлость. И несчастье, утверждаем мы, может быть благородней и возвышенней счастья, но только в том случае, признаемся, если для номада оно неизбежно в силу его причастности к истине. Превосходство номадизма обосновывается его причастностью к истине. Однако это и вызывает наибольшие вопросы, ведь если только номад допустит на минуту, что он неправ во всем, он потеряет убеждение в возвышенности своего несчастья. Помимо этого, апологии номадизма сами по себе являются смещением в сторону оседлости, ведь номадизм вызывается не рассуждениями, а неудовлетворенностью, и характеризуется бессмысленностью, а не смыслом или истинностью.

Решающее значение для номада имеет нежелание быть собой, поэтому мы часто находим создаваемый номадом идеал себя. Вместе с ним появляется план поэтапного самосовершенствования, главное место в котором занимает представление о совершенстве, обретаемом на пути углубления тех номадных черт, которые кажутся номаду ключевыми с точки зрения их приближенности к истине и идеалу. Движение

самопревозмогания совмещает фигуры вражды и запрета: нежелательное свойство отторгается за линию подлинного, затем оно само и все связанное с ним попадает под запрет. Принимая ответственность за себя, номад сознательно отторгает нечто неподлинное (то, в чем решающее влияние имел не индивид, а общество) и принимает взамен чисто индивидуальное. Постепенно приходит и закаляется чувство свободы. Так обостряются культивируемые черты. Вместе с тем необходимо отметить следующие сложности:

- 1) номад подвергает себя многочисленным лишениям, запрещая вымышленные недостатки, объясняя ими свою неудовлетворенность. Растет внутренняя напряженность. Номадический идеал же, напротив, — состояние благополучного самопринятия, в котором лишения и личные недостатки не тяготят, а в идеале даже составляют залог свободы от несущественных и чуждых волнений. Но нельзя найти объяснения, как деятельность в одном направлении может ориентироваться на результат, достижимый при движении в обратном направлении;
- 2) номад намеренно ставит себя перед некомфортными условиями. В получившейся картине номад не «есть», а «должен быть» — избавляясь от одной нормы, номад связывает себя еще более строгой нормой. Это самоограничение пришлось бы кстати, если бы номад желал свободы «категорического императива» нравственного поступка, а не экзистенциальной свободы самоопределения. Но номад стремится как раз к последнему. Складывается похожая с первым пунктом ситуация, когда, проявляя несвободу несвободного, номад рассчитывает приобрести свободу. Но номадизму изначально свойственна несвобода, обретение свободы возможно разве что при переходе номадизма в другое состояние, но не при углублении номадизма;
- 3) чтобы от действительного состояния можно было отделить некоторые predeterminedенные им аспекты или же устранить само это состояние (что, как мы показали в предыдущих пунктах, на каком-то этапе номадического самосовершенствования может быть необходимо), экзистенция должна быть достигнута в целостности и собранности. Но это невозможно, когда человек берет сам на себя роль того, кто сам ее устраняет. Отстраненность, которая возникает при сознательном самодистанцировании от себя самого, расщепляет «Я» как минимум на две стороны. Их противоборство безрезультатно так же, как попытки тонущего

вытянуть себя за волосы, отстранившись от собственного веса. Борьба с существенными недостатками или с действительным состоянием должна вестись против «Я», собранного в целое, но не расщепленного. Это может сделать только судьба, всегда наступающая человека в целостности. Самостоятельные безуспешные попытки переоценить то, что экзистенциально необходимо, приводят к усталости;

- 4) примером того, что в случае номадического самосовершенствования самопревозмогающий не отличается от самопревозмогаемого, служит то, что «самопревозмогание» дляномада есть способ самореализации. Оно является практикой неудовлетворенности в себе. Оно, как ни парадоксально, закрывает возможность радикального самопреодоления, и поэтому усилиеномада преодолеть себя далеко от истинного самопреодоления. Действительным совершенствованием было бы преодоление желания самопреодоления.

Таким образом, номадическое самопревозмогание является не путем становления, а путем культивирования номадизма. Поэтому мы не можем возможность экзистенциального совершенства определить как номадическую возможность. Но тогда что считать совершенством и что становлением?

Мы выстроили модель, в которой каждое состояние полностью изолированно от влияния чего-либо, оно абсолютно. Оно определяет границу того, что человек может сделать, помыслить, почувствовать. В одном состоянии нет ничего, что актуально переводило бы его в другое состояние, поэтому переход от одного состояния к другому можно понять как отозвавшееся влияние чего-то трансцендентного душе (пример: «Ничто»), которое проникло и повлекло изменения. В этом концепте «прыжка» момент перехода от одного состояния к другому остается скрытым, поскольку в мгновение перехода наше внимание сконцентрировано на том, что повлекло за собой переход, но не на нем самом. Причиной перехода называется событие встречи с чем-то, повлекшим изменение.

Главным недостатком этого концепта, нам кажется, надо признать то, что известно слишком много примеров неспешной динамики: дрейфа оседлости в номадность и сползания номадизма к оседлости (а не перехода вследствие события). Опыт показывает, что различные факторы могут ускорять или замедлять постепенный процесс перехода. К примеру, городская жизнь, в которой при выходе из сакрального места «дома» попадают в постороннее пространство, где все располагает и призывает

к закрепошенности, опасливости («бдительности») и скуке. Домашнее пространство деревенского жителя, напротив, не ограничивается его жилищем, и его оседлость прочна.

Концепт перехода не фальсифицируем: всегда можно допустить существование Другого и называть встречу с ним причиной изменения. Мы же хотели бы предложить, что причина перехода — в сознательном сопротивлении, направленном против экзистенции и против ее действительной предрасположенности. Так мы поглощаем концепт события, интерпретируя его как «взрыв» сопротивления, но добавляем иные пути, как то — продолжительное перемещение центра тяжести «Я».

В последней главе мы попробуем видоизменить нашу модель, вписав в нее «середину» между оседлостью и номадизмом. На ее долю выпадает обладание преимущественным совершенством перед крайними двумя состояниями: оседлостью и номадизмом. «Середи́на», как мы покажем, является для оседлости и номадизма возможностью не иначе как потому, что она лежит в основании того и другого: и предшествует им, и в перспективе довершает их.

Середи́на между номадизмом и оседлостью, но в то же время отличное от них состояние. Принятие духовного решения

Середи́на будет соединением двух духовных природ: номадизма и оседлости, и третьим центром притяжения «Я». Номадная предрасположенность притягивает к одному идеальному полюсу — бесконечному стремлению к «Я», оседлая предрасположенность притягивает к другому идеальному полюсу — бесконечному забвению «Я», середи́на же притягивает к «Я» в возможности, и это притяжение воздействует на любое действительное состояние экзистенции, создавая начальное сопротивление действительной предрасположенности. Но его недостаточно, чтобы сместить вектор движения, и самая действенная сила, которая может запустить переход в другое состояние — это разумный выбор совершенства как цели и движения к цели, движения, подпитывающегося не неудовлетворенностью, но свободной волей. По образу такого движения соответствующее ему состояние можно назвать состоянием «пути».

Сопротивление крайностям должно быть подконтрольным и волевым, но напряженным оно будет только в переломный момент, если таковой случится. Только так движение к совершенному состоянию будет отлично от движения номада: непроизвольного и сопровождающегося постоянным напряжением.

Из состояния пути, если мы взглянем в него, черпают духовный смысл понятия: 1) судьбы, 2) истории, 3) справедливости. Так они опираются на порядок духовного устройства человека и в «пути» становятся «осязаемы» для экзистенции. Для оседлого же и для номадного человека указанные понятия отвлечены либо абстрактны: они не имеют духовного смысла. «Путь» же есть, напротив, взаимное явление экзистенции и мира друг другу: «Я» находится посреди мира, и происходящее с миром личным образом происходит и с «Я». Это взаимное явление, утверждающее самоидентичность «Я» и самоидентичность мира, но не закрывающее их друг для друга. Именно поэтому интуицию пути мы можем очень часто встретить в литературе, посвященной не экзистенциальным проблемам, а вопросам судьбы, истории или справедливости.

Экзистенциальная философия знает о «пути» благодаря своему религиозному направлению, в онтологии которого экзистенция описывается проходящей путь становления до вершины совершенства, а пути становления предзаданы Богом свыше, причем истина веры в Бога подтверждается только «в конце» пути. Религиозное понимание экзистенциального совершенства, впрочем, не является единственно допустимым в состоянии «пути». Бог — лишь одно из многих возможных истолкований личного совершенства.

По отношению к своему общему основанию оседлость и номадизм несамостоятельны, относительно. И в самом деле, едва ли мы найдем чистого номада или оседлого среди людей, ведь номадность и оседлость есть по сути идеальные точки, к которым человек может направляться, но которыми не становится полностью не иначе как в силу того, что первоначальным состоянием экзистенции является гармония оседлого и номадного сторон.

Дин из романа Керуака вмешивается в номадность своего состояния, ища совершенство, но возможно и вмешательство в оседлость — это зависит от действительного состояния, из которого осуществляется переход к «пути». Этим состоянием отчасти определяется характер состояния «пути»: ясно, например, что состояния «пути» оседлого и номадного человека отличаются. Это напоминает акцент,

остающийся от прошлого языка, когда уже говоришь на новом.

Получается также найти и описать третью субъективную категорию временности, соответствующую «середине». Кроме «временности», «безвременности», есть «вневременность», в которую погружена экзистенция в состоянии «пути»: участие в бытии мира и Других помещает бытие экзистенции во время, но здесь временность не формирует субъективность, как это допускает в отношении себя оседлый, а бытие в «пути» само является мерой своего времени.

Дорога — неуверенное «да», сказанное кризисным состоянием, после чего они мутят ум так, что человек не понимает своего участия в себе. «Середина» — сознательное «нет» кризисным состоянием, благодаря чему сознание остается ясным, и человек не допускает той ошибки, когда номад свое состояние соотносит с неким бытием вне его (хотя как раз для номадной экзистенции это тройне не так). В этом позиция слабости — номад не принимает себя и не принимает ответственности за себя, перекладывая ее на некую номадическую истину мира либо же на случайности мира, сформировавшие его личность. Так что хотя номадность предоставляет захватывающие страдания даром и искушает ими, к совершенству приводит труд, начинающийся с избавления от слабостей номадизма. Дорога превращается в путь от того, что осуществляется перенос внимания на экзистенцию, как она есть по себе — неверно считать, что она не ограничена условиями, — она помещена в них, но им (окружению, обстоятельствам, судьбе) предоставлено быть тайной.

Видящий цель в своем уме, он уже соединил себя с ней, устранив дорогу между ними. Поэтому в особенное состояние, соответствующее цели, человек входит не тогда, когда добывается ее, а когда ясно ее видит и ставит перед собой. Может быть, это правильнее рассматривать как прыжок в субъективную истину, но нельзя опровергнуть и другой вариант, в котором изменение состояния провоцируется выбором. Итак, мы все еще не можем построить точную и всеобъемлющую модель, но модель никогда и не была главным в экзистенциальной традиции, — в ней мы пытаемся найти верный (где-то «истинный») способ прожить жизнь.

Литература

1. Бауман З. От паломника к туристу [Текст] / З. Бауман // Социологический журнал. — 1995. — № 4. — С. 133–154.
2. Бекарев А.М. Современный номадизм: проблемы организации и дезорганизации [Текст] / А.М. Бекарев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». — 2009. — № 4. — С. 25–29.
3. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [Текст]: I. Хоз-во, семья, общество. II. Власть, право, религия / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1995.

4. *Виноградов А.Д.* «Странствующие святыни» и современное русское православие [Текст] / А.Д. Виноградов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12. — С. 41–47.
5. *Головнёв А.В.* Кочевье, путешествие и неонوماдизм [Текст] / А.В. Головнёв // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 45. — С. 121–126.
6. *Кормина Ж.* Номадическое православие: о новых формах религиозной жизни в современной России [Текст] / Ж. Кормина // Ab Imperia. — 2012. — № 2. — С. 195–227.
7. *Секатский А.К.* Книга номада [Электронный ресурс]. — URL: http://royallib.com/book/sekatskiy_aleksandr/kniga_nomada.html (дата обращения: 09.09.2016).
8. *Семенов К.А.* Номадическая сингулярность и бунт блудного сына: рефлексия о метафорах культуры [Текст] / К.А. Семенов // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 338. — С. 64–67.
9. *Трубина Е.Г.* Мобильность и седентаризм в социально-теоретическом дискурсе [Текст] / Е.Г. Трубина // Известия Уральского федерального университета. — 2012. — Сер. 3. — № 2. — С. 22–34.
10. *Урри Дж.* Мобильности [Текст] / Дж. Урри. — М.: Практикс, 2012. — 576 с.
11. *Шляков А.В.* Бродяжничество: социокультурный анализ [Текст] / А.В. Шляков. — Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2013. — 140 с.
12. *Шляков А.В.* Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности [Текст] / А.В. Шляков // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 58. — С. 219–222.
13. *Шляков А.В.* Номадизм постмодерна: классификации моделей номадности [Текст] / А.В. Шляков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 54. — С. 204–207.

References

1. Bauman Z. [From pilgrim to tourist]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 1995, I. 4, pp. 133–154. (in Russian)
2. Bekarev A.M. Sovremennyy nomadizm: problemy organizatsii i dezorganizatsii [Modern nomadism: the problems of organization and desorganization]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. NI Lobachevsky]. 2009, I. 4 (16), pp. 25–29. (in Russian)
3. Benvenist E. *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov: I. Khoz-vo, sem'ya, obshchestvo. II. Vlast', pravo, religiya* [Indo-European language and society. Book 1: Economy, Kinship, Social Status]. Moscow, Progress Publ., 1995. (in Russian)
4. Vinogradov A.D. "Stranstvuyushchie svyatyni" i sovremennoe russkoe pravoslavie ["Wandering sacred objects" and contemporary Russian orthodoxy]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Theory and practice]. 2014, I. 12 (50), pp. 41–47. (in Russian)
5. Golovnev A.V. Kochev'e, puteshestvie i neo-nomadizm [Migration, travel and neo-nomadism]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal]. 2014, I. 45, pp. 121–126. (in Russian)
6. Kormina Zh. Nomadicheskoe pravoslavie: o novykh formakh religioznoy zhizni v sovremennoy Rossii [Nomadic orthodoxy: on new forms of Religios life in contemporary Russia]. *Ab Imperia* [Ab Imperia]. 2012, I. 2, pp. 195–227. (in Russian)
7. Sekatskii A.K. *Kniga nomada* [The book of the nomad]. Available at: http://royallib.com/book/sekatskiy_aleksandr/kniga_nomada.html (accessed 9 September 2016). (in Russian)
8. Semenyuk K.A. Nomadicheskaja singularnost' i bunt bludnogo syna: refleksija o metaforah kul'tury [Nomadic singularity and the riot of prodigal son: reflection on metaphors of culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2010, I. 338, pp. 64–67. (in Russian)
9. Trubina E.G. Mobil'nost' i sedentarizm v social'no-teoreticheskom diskurse [Mobility and sedentarism in social theory]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of Ural Federal University]. 2012, I. 2, pp. 22–34. (in Russian)
10. Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow, Praxis Publ., 2012.
11. Shlyakov A.V. *Brodjzhnichestvo: sociokul'turnyj analiz* [Vagrancy. Sociocultural analysis]. Tyumen, TyumGNGU Publ., 2013. 140 p. (in Russian)
12. Shlyakov A.V. Narrativ doma v prostranstve kul'tury osedlosti i nomadnosti [Narrative of the home in the culture of sedentism and nomadism]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014, I. 58, pp. 219–222. (in Russian)
13. Shlyakov A.V. Nomadizm postmoderna: klassifikatsii modelej nomadnosti [Nomadism of postmodernity: Classifications of models of migratory habits]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Theory and practice]. 2015, I. 54, pp. 204–207. (in Russian)